

Надежда Майская

Наследство для Венеры

Глава I. Не стоит делать сюрпризов

Девушка погибала. Боль неторопливо расплзалась по телу.

Ей было обидно внезапно умирать в столь молодом возрасте, хотя, наверное, и в более старшем бы не особо хотелось. И уж точно не в этой придорожной канаве, заполненной мерзкой холодной водой, окурками и ещё черт знает чем.

Чувство гадливости и безотчётного протеста против того, что с ней происходит, придало сил выкарабкаться из клоаки, несмотря на ужасную резь в правом боку.

Липкая чёрная кровь вытекала из дыры в теле, и тяжелораненая постепенно замерзала. Подняться на ноги возможности уже не оставалось. И скулить тоже.

Сознание ещё не совсем покинуло несчастную, инстинктивно прижавшую грязные руки к животу, чтобы как-то заткнуть прореху, и остались крохи сил свернуться в клубок в в безуспешной попытке согреться.

Последнее, что она услышала, был недоумевающий мужской голос:

— Это девушка! Я думал, какая-то псина ползает и скулит. Помогите! Скорее вызывайте «скорую»!

Раненую в отключке загрузили на каталку, отвезли в ближайшую больницу, положившись на судьбу и медиков.

— Ну и вонь! Откуда вы её вытянули? Тётя Наташа пусть сначала отмоет, после взгляну, — брезгливо окинув взглядом поступившую, заявила дежурный доктор.

Медицинская сестра, низкорослая пожилая дама с удивительно красивым лицом, вышла в длинный коридор и позвала неожиданно зычным голосом:

— Наталья Герасимовна, в смотровую!

Пациенты и посетители притихли. Из противоположного конца коридора донеслось:

— Я в одиннадцатой палате, вымою — подойду.

Сестра милосердия тихо забормотала себе под нос и возвратилась к столу. Сморщилась, осматривая девушку. На кафельный пол смотровой натекла лужа грязной воды вперемешку с кровью, руки, заляпанные глиной, безжизненно свисали с каталки, лицо, также испачканное, было бледным, губы были синими. Женщина осуждающе покосилась на докторшу — постоянно та привередничает — затем привычно принялась за

дело. Ножницами ловко вырезала кусок одежды, протерла открытое место вокруг раны, приложила чистый марлевый тампон и обернулась к доктору.

— Анна Сергеевна, посмотрите, я обработала.

— Немедленно вызывайте анестезиолога и готовьте к операции, — доктор потрогала края ранения и сняла перчатки.

Подобранная на дороге девушка пришла в сознание на четвертые сутки после продолжительной операции.

Глаза разъезжались, она никак не могла их сфокусировать. Вздохнуть не удавалось, было трудно, очень хотелось пить и в туалет. Она безуспешно попыталась встать, что-то запищало, и над ней показалось лицо мужчины.

— Очнулась? Замечательно! Сейчас выну у тебя трубку, и будешь свободно дышать. На счет три резко выдохни. Поняла?

Она совершенно не уяснила, для чего это нужно, однако, когда с ней говорят подобным непререкаемым тоном, как правило, предпочитала подчиняться.

Доктор произнес: — Три! — И словно выдрал у неё гортань.

Дышать стало на самом деле легче.

— Спасибо, — прошептала барышня.

— Не за что, — мужчина исчез неизвестно куда.

Больная заерзала.

Теперь над ней возникло миловидное лицо молодой женщины в медицинской шапочке:

— Что тут у нас? Отчего не спим? — специальным (у сестричек такие голоса специальные, вроде как сочувствующие, но так же и равнодушные) голосом справилась сестричка, не глядя в глаза пациентке.

— Пить, туалет, — прохрипела больная.

— Пить не положено, губы намочу, а «утку» сейчас подам.

В тот момент пациентка пока что не ведала и не догадывалась, что её ожидает. К концу третьих или четвёртых суток, когда ей разрешили вставать, такое понятие, как стыдливость совершенно сгнуло из сознания. Девушке неизбежно пришлось примириться с «утками» и собственной беспомощностью.

Стало легче, когда её перевели в послеоперационную палату, там девушка начала учиться заново, управлять своим телом.

Санитарка тётя Ната энергично протирала пол. Ударяла шваброй по ножкам койки, зачем-то передвигала, а для пациентки всё, что происходило с больничной кроватью, отдавалось глухой болью.

— Ну, девка, крупно повезло тебе! Вычистили рану и зашили, сперва баяли, что не жилица, столько грязи подцепила, теперь выздоровеешь. Я

точно говорю, если больше пяти дней болящий лежит в реанимации, наверняка может скончаться. Подниматься пора. Прохаживаться. Тапки где? А халат? Как одна по коридору разгуливать станешь? Имя какое?

— Вера.

— А как брюхо-то пропорола? — санитарка оперлась на ручку швабры и с пристрастием рассматривала девушку.

— Не помню.

— Ещё и память потеряла, убогая? И откуда вы появляетесь? Как одинёхонька расхаживаться пойдёшь? — тётя Ната покачала головой и вновь занялась приборкой, что-то продолжая бормотать себе под нос.

Вера самостоятельно села, голова закружилась, и показалось, что слегка закачало. Пациентке прекратили колоть снотворное и, ранение стало беспокоить сильнее, но обезболивающее она выпрашивать стыдилась. Девушка медленно поднялась, придерживаясь за спинку койки, и постояла так, тяжело дыша.

Доктор сообщал, что необходимо понемножку начинать гулять. Вере было боязно. Сейчас сделает шаг, растянется на полу, шов на животе разъедется и снова польётся кровь из раны.

Постепенно ноги перестали трястись, в голове убавился гул, и она совершила первый

незначительный шажок, затем другой. Удалось не свалиться. Повеселев, больная более твёрдо прошла до другой кровати. Там спала пожилая тётенька, укрывшись одеялом.

Вера медленно приблизилась к окну.

Палата, в которую её положили, находилась на первом этаже.

За стеклом было погожее летнее утро, под окном красовалась клумба с цветами, дальше куда-то бежала асфальтированная тропинка. По ней уверенно прошла женщина в халате, позже мужчина в гражданской одежде, проскочили две девочки.

Жизнь там протекала своим чередом. Вере захотелось туда, к свободным людям, она позавидовала их здоровью, энергичности, лёгкости движений. Неужто и она так сможет?

Окно было закрыто. Она потянула створку, но силы не хватило, и Вера отступилась. У нее озябли босые ноги: пол, покрытый линолеумом, был холодным.

Больная так же неторопливо и осторожно прошла обратно, опустилась на кровать: сидеть было неудобно и больно, и она снова улеглась, спрятав ноги под одеяло. Как решить вопрос с обувью, девушка не представляла.

Вошла медсестра, установила капельницу и сообщила, что поищет тапочки, которые были

где-то тут. Пообещала, что принесут и больничный халат.

После процедур Вера самостоятельно отправилась в коридор искать санузел: девушке хотелось умыться. Ей казалось, что она не идёт, а крадётся.

Брела, пошатываясь, порой вытягивала руки в стороны для равновесия, когда казалось, что сейчас упадёт. Но обошлось. В коридоре эти упражнения увидел доктор и похвалил её за старание, но попросил не спешить, особо не усердствовать.

Как позже выяснилось, больница оказалась небольшой, в несколько отделений, каждое в одноэтажном здании.

По утрам врачи совершали обход. Звали опытных коллег к своим пациентам, специалисты обследовали больных прямо в палатах и писали назначения. В этом месте царил атмосфера умиротворения и камерности, так определила для себя Вера.

К ней приходила невропатолог, пожилая дама с трясущейся головой, и установила диагноз: сотрясение мозга и частичная амнезия.

Осмотрел её и офтальмолог, весёлый молодой доктор. Он допытывался, как к ним угодила эдакая прелестница, и за каким чёртом полезла в грязную канаву?

Вера обычно ссылалась на амнезию.

После обхода их приглашали на завтрак, пациенты ели в общей зале — столовой, куда каждый больной приносил свои ложки, тарелки, кружки. Посуду мыли тут же и уносили с собой. Такой уклад позабавил Веру. Она высокомерно решила, что удивляться нечему — провинция, хотя в больницу попала впервые в жизни, и сравнивать было не с чем.

Веру же обеспечили всем необходимым добросердечные санитарки. Позже шли процедуры, инъекции, капельницы, затем после полагалось ходить по коридору и спать.

На третий день после операции ей разрешили прогуляться под окнами. Погода стояла теплая: днем было жарко, но легкий ветерок и тень спасали от жары, и солнце нисколько не утомляло. Вера медленно, но вполне уверенно гуляла по той дорожке, которую видела из окна палаты, доходила до главных ворот больничного комплекса и возвращалась. Она с радостью ощущала, как возвращаются к ней силы, всё меньше беспокоит шов, и робко строила планы, чем займется в первую очередь, когда её выпишут.

За время пребывания Веры в больнице дважды шел дождь, люди радовались, что урожай будет хорошим. Оказывается, у всех имелись огороды, и было в порядке вещей, что после дежурства люди занимались грядками. Для

столичной барышни и это оказалось в новинку. Дитя асфальта, она смутно представляла себе, зачем горбатиться на участках, выращивать овощи, когда все то же самое продается в магазинах. Впрочем, раньше ей и в голову не приходило задумываться о таких вещах.

Ей больше, слава богу, вопросами не докучали.

Она познакомилась в палате с соседкой, Алевтиной. У той удалили желчный пузырь. К Алевтине приезжали три дочери с мужьями, две тетушки, совсем старушки, супруг, какие-то ещё родственники, и все несли продукты, словно они тут голодали.

Еду что приносили Алевтине, приходилось съедать Вере. Обратного не отправишь, обидятся, говорила соседка по палате. Девушка впервые попробовала шаньги, и поскольку у Али была строгая диета, сердобольные родственники несли то, что, по их мнению, не повредит. Пельмени приносили горячие, но капустные, называли китайскими.

— Это от китайцев переняли? — осведомилась Вера, ей они весьма пришлись по вкусу.

— От каких китайцев! — засмеялась Аля, — где китайцы, а где мы! Нет, у нас считается, если мясо не может себе позволить кто-то, значит

неимуший, как китаец.

Девушка поначалу стеснялась, но Аля её отчитала: не война, никого она не объест и неужто не попотчевала бы Алю, доведись ситуация наоборот? А выздоравливать нужно. Позже Алевтину выписали. Она строго наказала обязательно приехать к ней, оставила адрес, и Вера в палате осталась одна. Искренность и доброта чужих людей, простота нравов, откровенность в высказываниях на те или иные вещи поразили девушку. Долго ещё после отъезда Алевтины она вспоминала о своей новой знакомой, смешливой дородной женщине. И улыбалась, вспомнив, как сокрушалась Алевтина Егоровна, выслушав рекомендации докторов.

— Как же я жить теперь стану? Все запретили! С голоду помру! Каши! Постное! А как же шашлычок? А жаркое из свинины? А селёdochка, украшенная колечками лука под водочку? Нет, Вера, не дождутся они от меня подобной жертвы!

— Но вам может сделаться нехорошо, — обеспокоилась девушка.

— Да знаю я! — с досадой махнула рукой соседка, — оттого и печалюсь. Одна радость сейчас, заново похудею, буду ладной, как в молодости. Знаешь, я, какая была? Полсела парней за мной ухлёстывало, а предпочла себе рыжего. У тебя жених-то есть?

— Не помню.

— А ты не усердствуй! Само припомнится!

На самом деле, Вера почти сразу, как проснулась, вспомнила все, что было до операции.

Кто поверит, что ехала она на собственную свадьбу?

Больница была небольшой, персонал и пациенты знали о загадочной больной, все живо интересовались, что с ней произошло, обсуждали удивительное появление, и она решила, что потеря памяти — это удобно. Можно не говорить правду, прикрываясь амнезией.

Никаких объяснений, никаких выяснений, кто ждал её в городе, никаких расследований, почему её сбила машина. Все сочувствовали, качали головой, похлопывали по плечу, утешали. Деньги, мобильный и документы были в потерянной сумочке. Скорее всего, та так и лежит на дне канавы, наивно полагала Вера.

Лечащий врач, добродушный пожилой мужчина с красноватым носом, хвалил ее. И за то, что Вера быстро шла на поправку, и за то, что барышня оказалась предусмотрительной. Оценил практичность. Современная девушка, а в дорогу собралась по старинке, с запасом. К бюстгальтеру пришила кармашек, в котором спрятала несколько купюр в долларах и записку с группой крови. Вот и пригодилось.

— Мы из твоих денежных запасов взяли несколько купюр, купили отличное лекарство. А кто это тебя научил таким премудростям?

— Каким премудростям?

— Запас денег делать и прятать в белье, а главное, группу крови указывать.

— Моя бабушка. Она в войну сестрой милосердия была, вот и сообщила, что нужно обязательно группу крови где-то написать, все в жизни может произойти, — сболтнула Вера с гордостью. После осознала, что при её ложной амнезии необычно помнить подобные частности, но доктор, к счастью, не проявил заинтересованности.

— Поклон ей, коли жива-здорова, очень помогло при оказании помощи. Все бы так делали. Вещи твои в негодность пришли. Но денег хватит и на неё. Дней через пять выпишем, если показатели не ухудшатся. С Татьяной Васильевной поговори, она поможет, на первое время устроит.

Ей сняли швы и готовили к выписке.

Татьяна Васильевна Соболева, медсестра, про которую говорил врач, всю жизнь работала в хирургии. У неё недавно умер муж, в доме женщина осталась одна, места было много, поэтому она и пригласила потеряшку к себе пожить, пока та все не вспомнит.

Она же купила босоножки, платье и

пиджачок. Платье было бледно-розового цвета и оказалось на два размера больше, а вот фиолетовый пиджак с большими карманами пришелся впору. ещё Вере купили белые босоножки на низком каблучке.

Ох, грехи наши тяжкие!

В другой ситуации Вера, при её любви одеваться с шиком, даже бы не посмотрела в сторону таких вещей. На голову пришлось надеть белую косынку, тётя Ната одолжила из своих стратегических запасов. С тем безобразием, что творилось на немытой голове бывшей пациентки, выходить на улицу было стыдно.

— За комнату немного с тебя возьму, завтра выписывают, вместе и пойдем, как смену сдам. Так и не вспомнила, кто ты?

— Нет. Имя только и помню.

— Ну и то хорошо! Готова? Не ахти, конечно, да кто на тебя глядеть станет? Ты словно цыпленок с местной фабрики. Они худые да синие на прилавках лежат, вот и ты так выглядишь. Ничего, молодая, оклемаешься.

Они вышли из ворот больницы, и неторопливо отправились домой к Соболевой. Слева от больницы располагалось кладбище. Удобно больничку построили предки.

Татьяна Васильевна вела её тихими небольшими улочками с деревянными заборами

выше человеческого роста и большими воротами перед домами.

Они обходили лужи, иногда переходили на другую сторону улицы, если видели лежащую у ворот собаку. Вера уже ходила уверенно, не хваталась каждую минуту за бок, как было вначале.

По улицам проезжали трехколесные мотоциклы с колясками, легковые автомобили, в основном, отечественного производства. Ехали водители не быстро, но и не медленно. Иногда у открытых распахнутых ворот мужчины копались в своих железных конях, разложив инструменты на земле.

Вера с любопытством заглядывала в такие дворы: чаще всего в них было всё аккуратно убрано, собаки бегали на цепи или сидели в вольерах, там же виднелись и грядки. Дома смотрелись большими хоромами. Все было основательным, надежным и натуральным, что ли.

Некоторые встречающиеся здоровались с Татьяной Васильевной, но не останавливались, шли по своим делам.

Город, которого Вера ещё не увидела, казалось, отдалялся, уходил от нее в другую сторону.

— Я живу на озере, район наш старый, окраина города, — сказала Соболева.

— А в озере купаться можно? —

заинтересовалась девушка.

— Нет там никакого озера. Засыпали давно. Площадь теперь, автобусы разворачиваются.

— Как жаль.

— Нисколько! Нам и реки хватает. Весной вода разливается до середины старого города, люди на лодках добираются из дома. Теперь у нас старики одни остались, дома как дачи используют. Молодёжь ближе к заводам селится, там же и посёлок «Царское село» местные богачи построили. Оклемаешься немного, на реку сходим. Поплаваем. Плавать-то умеешь?

— Умею. Большое строительство у вас?

— Какое там! У кого деньги есть, тот и строит.

— Людям работу дают?

— А толку что? Авансы дают, а расчет не делают. Сами жируют. Закон вышел, что зарплату нельзя задерживать, но им закон не указ. Моему племяннику за семь месяцев задержали. И не уйдешь, работы больше нет.

— Как же так? Что же за хозяева такие?

— Есть тут одни, говорить не хочу! А вот и дом мой. Ты не пугайся, у меня собака, без неё здесь нельзя, мало ли кто пожалует. Заходи.

Деревянный дом двумя окнами глядел на улицу. Они вошли в закрытый, как и у всех тут, от прохожих большими воротами двор. Во дворе был

устроен деревянный тротуар из широких и чистых досок, слева, за невысоким заборчиком, вдоль которого росли кусты малины и крыжовника, виднелись грядки. Тротуар тянулся, огибая дом, дальше, вглубь.

— Туда за дом пойдешь, там баня, дровяник и туалет. Проходи в дом.

Маленькая злобная собачка, захлебываясь лаем, бросилась к ним.

— Ну-ка, цыц, Фроська! Сейчас накормлю! Свои!

Женщины вошли через застекленную веранду. Дом внутри оказался светлым, уютным, с высокими потолками и двумя комнатами, помимо кухни. Белоснежные тюлевые занавески закрывали окна, но пропускали много света, солнечные лучи освещали всё пространство, и оттого оно выглядело более нарядным.

— Как здесь красиво и светло! И тепло, — воскликнула Вера, испытывая приятное чувство умиротворения.

— Располагайся, вот здесь будешь спать. Я сейчас баню истоплю, вода есть, носить не надо. После больницы отмоешься, а потом в город ходим, продукты купим, да и себе что присмотришь.

Банька оказалась небольшой, побеленной изнутри.

После бани девушка уснула. Татьяна Васильевна дала поспать ей пару часов, а после они сходили за продуктами и приготовили обед, неспешно разговаривая о жизни. Говорила в основном хозяйка, а гостя только слушала и помогала, чем могла.

Вера пока была не готова рассказывать о себе. От того, что приходилось скрывать правду, она испытывала стыд, поэтому вела себя неестественно, зажато. Хозяйка не придавала значения её поведению, принимала такой, какая она была. От этого девушка и испытывала неловкость.

Глава II. Встреча с женихом

На самом деле её именовали Венера Даниловна Милославская. В простонародье — Венера «Милосская», так подшучивала о себе девушка.

Гордый родитель окрестил! Дочка появилась в период его увлечённости римской мифологией.

За пору учебы в школе страсть сколько «умников» прохаживалось по тому, что она не тянет зваться именем богини любви и красоты. О том, что она претерпела за свою жизнь от необычного имени, можно вести отдельный разговор. Вследствие этого от греха подальше она звалась Верой.

Венера приехала в этот уральский городок, чтобы выйти замуж за Эдуарда Хромова и счастливо жить с ним в горе и в радости. Она не предупредила жениха, что едет, на это также были свои причины, хотела сделать ему сюрприз. Вот и сделала.

Районный город поразил её тишиной.

У вокзала стояло несколько автомобилей, но девушка решила пройтись пешком — по рассказам жениха, заблудиться в городе было невозможно.

«Надо просто идти и идти по центральной улице и можно увидеть все времена и архитектурные стили. Дома купцов екатерининской эпохи, сталинские и кировские, советской постройки. Город у нас небольшой, зеленый, со своим старинным укладом».

С Хромовым она познакомилась на вечеринке у Лили Барабанщиковой, муж Лилии, Леонид, праздновал сорокалетие. Эдуард приехал к другу и сокурснику на юбилей — поздравить, дела свои решить и просто погулять по Санкт-Петербургу. Старые приятели оба были строителями, учились в ЛИСИ. После учебы Эдуард вернулся в свой город на Урале, а Леня Барабанщиков работал инженером в крупной строительной компании.

Эдуард пригласил Венеру погулять после вечеринки. Она не отказалась: приятель Леонида был хорош собой и к тому же холост. После той

прогулки Венера и Эдуард стали встречаться каждый вечер. Оказалось, что он поселился в гостинице в центре города, почти рядом с домом, где жила девушка.

С первой встречи он ухаживал за ней по всем правилам, дарил цветы, обращался галантно, как с какой-то дамой из прошлого века, обожающе смотрел. Их так называемый роман был похож на эпизод фильма из чеховских рассказов. Они так и не перешли на «ты», он целовал ей руку при прощании. Вначале это немного смущало девушку, но потом она привыкла, с иронией решив, что перейдет с ним на «ты» только после марша Мендельсона.

В остальном же её всё устраивало. Что ещё надо одинокой, по сути, старой деве, прожившей двадцать семь лет?

Её поклонник отличался высоким ростом, коротко стригся, полуприкрытые тяжелыми веками карие глаза смотрели серьезно. Хорош был Хромов, этого у него было не отнять. И держался соответственно, знал себе цену.

Он произвел впечатление на девушку своей основательностью, надежностью и приятной внешностью. Люди такой породы, как правило, не менялись до глубокой старости.

Эдуард приехал на несколько дней, но визит затянулся на месяц. Хромов решал какое-то дело, а

вечерами они с Венерой гуляли по городу, сидели в кафе или ресторане, ходили на постановки в театры. Он неизменно провожал её домой, на набережную Фонтанки.

«Можно вспомнить опять, ах, зачем вспоминать, как ходили гулять по Фонтанке».

Хромов перед отъездом сказал ей:

— Миллиардами я не владею, но по местным меркам солидно живу. У меня пара-тройка производственных предприятий. Конкурентов, равных мне, в городе нет, поэтому заказы на продукцию есть всегда, работой мы обеспечены на годы вперед. Людям мы платим зарплату без задержек, не обижаем, врагов не наживаем, — при этих словах Эдуард улыбнулся. — Стихами получилось. Бывает, наезжают иногда из Тюмени или Екатеринбурга ребята лихие, но мы договариваться научились. Это я к тому, что жене своей обеспечу комфортную безопасную жизнь. Вы запали мне в сердце, с вами я готов прожить весь оставшийся мне век. Выходите за меня замуж, Венера.

Они сидели в ресторане гостиницы, где остановился Эдуард, этот вечер у них был прощальным. Хромов заранее заказал столик. Мужчина заметно волновался. Он, как в кино, протянул Венере открытую коробочку с кольцом. Венера взяла бархатную штучку, достала из неё

кольцо, полюбовалась на него и вложила обратно. Эдуард это время сидел, замерев, когда она захлопнула коробочку и протянула ему обратно, он понуро вздохнул.

Венера не собиралась кокетничать и морочить ему голову, ответила сразу. Она обещала подумать, и попросила не торопить с ответом. Эдуард приободрился, уверил, что будет ждать, сколько понадобится, и вскоре они расстались, ему надо было в аэропорт.

Девушка думала два дня, не испытывая никакого романтического чувства. И совершенно трезво приняла решение ответить согласием.

Родители её намерений не одобрили. На брак не благословили. Мама кричала и ругалась, папа дочку отговаривал. Предки и между собой умудрились поссориться. Выходит, мама оказалась права, впрочем, как всегда. Ничего хорошего из её поездки не вышло.

Родители отправились отдохнуть к друзьям в Дивногорск, а Венера поехала на Урал, выходить замуж за Эдуарда Хромова.

И кто бы её осудил?

Время уходило, Милославской исполнилось двадцать семь. В вопросах семьи и брачных отношений её можно было назвать докой.

От неё женихи сбегали дважды.

Безусловно, во всем была только её вина, но

легче от этого не становилось. У Венеры был один существенный недостаток, в котором она признавалась себе честно. Она влюблялась как кошка, и своей любовью так окружала предмет страсти, что буквально душила его в объятиях. Женихи пугались и предпочитали ретироваться.

В первый раз, когда она собралась замуж, свадьбу готовили с размахом, но ни в назначенный час, ни в этот день жених Ванечка не появился. Позже он прислал открытку, где было написано всего четыре слова. «Извини. Не ищи. Прощай». Ванечка, как и Чацкий, сбежал от любви «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов»!

Это теперь ей смешно, а тогда было не до смеха.

Гости напились, наелись (не пропадать же добру) и отправились по домам, утешая невесту: «Тебе только девятнадцать, будет у тебя ещё не один жених»!

Лучше бы пожелали одного и на всю жизнь!

Несостоявшаяся невеста напилась до бесчувствия, закусывая только мандаринами, рыдала в голос, с завываниями, пока мама не затолкала её под холодный душ.

«Что ты так убиваешься? Есть песня такая: «если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло», то и про жениха можно сказать! Приди в себя»!

С тех пор Венера ненавидела любые цитрусовые и белые свадебные платья.

Второй раз она потерпела фиаско с Владимиром. Ей было уже двадцать три.

Опасаясь повторения, хитрая невеста уговорила жениха о скромном празднике на восемь персон. Вовочка прислал вместо себя мальчика с огромным букетом желтых роз и конвертом с деньгами, компенсируя расходы. И никакой записки.

Истерики с Венерой в этот раз не случилось, она просто уехала в Приморск, сняла домик на берегу залива и зализывала раны.

Погода, соответствуя её настрою, была холодная, дождливая, волны бушевали, ветер налетал с разных сторон и буквально вымораживал своими порывами. Совершенно в настроение бывшей невесты.

Срок аренды закончился, шторм утих, Венера вернулась домой, приняв единственно верное решение. Больше никакой любви и романтики. Навела порядок в своей квартире, в своих мыслях и стала самой собой. Затем вернулась на службу.

Нельзя сказать, что до встречи с Хромовым она жила совсем уж без поклонников.

Некоторое время она встречалась с Сергеем, он работал неподалеку от их агентства, в каком-то офисе, занимал загадочную должность менеджера.

Познакомились они в кафе, кивали друг другу, после разговорились. Сергей был вполне нормальный парень, но не сложилось, у Венеры не «вспыхнуло». Они катались на корабликах по каналам, смотрели «Алые паруса», пару раз ездили в Петродворец и Стрельну. Сергей предпринял попытку перевести отношения на новый уровень, натолкнулся на отказ и потерял к ней интерес.

Она грустила пару вечеров, обиженная его сарказмом, что она дура, и вымрет как мамонт.

Из чувства протеста Венера заказала себе футболку с надписью «интим не предлагать, только замуж», но столь вульгарную вещь на улицу надеть не могла, поэтому щеголяла в ней дома. Всякий раз, натыкаясь на свое отражение в зеркале, морщилась, потом не выдержала и забросила футболку в дальний угол шкафа.

На своем рабочем столе установила табличку с такой же надписью, как напоминание о прозе жизни.

Сослуживцы бурно обсуждали очередной Венерин провал, а шеф, резвясь, предложил: — «Милосская», может и мне весь офис стикерами и баннерами обклеить со словами «Возьму тебя замуж»?

— Саввушка, я же говорила, чтобы за тебя выйти, мне надо с работы уволиться, не признаю служебных романов. Это неприемлемо, работу я

люблю больше, чем тебя.

Спустя какое-то время на горизонте появился Дмитрий, человек, знающий себе цену, волевой, офицер, белая кость. Ей нравилось его просить о мелких услугах, потому что он говорил:

— Так точно! — и на самом деле выполнял мелкие поручения или просьбы.

Он водил её по разным выставкам, они вместе ездили в стрелковый клуб, но дальше культурной программы дело не пошло. Венера не представляла себя офицерской женой, переезды, гарнизоны. Впрочем, замуж ей никто и не предлагал. Расстались друзьями. Какое-то время спустя Дима позвонил, сообщил, что женился. Венера поздравила его и благополучно забыла.

Босс не преминул заметить, что не вышло из неё декабристки.

— Ты, «Милосская», барышня нежная, утонченная, практически из Серебряного века. Сиди уж дома и обдумывай предложение солидного человека, владельца собственного агентства.

Побед, как ни крути, у неё было не слишком много, не хотели брать её замуж, несмотря на отдельную квартиру в центре и модную одежду.

Романы заканчивались, по сути, не начавшись.

Поэтому, когда Эдуард делал предложение, Милославская не ответила сразу. «Посмотрю, как он отреагирует на мой приезд! Если не передумал,

выйду замуж, кого ещё искать? А если передумал, то скажу, что приехала посмотреть его город и открыть здесь филиал агентства. Таким образом, я не окажусь брошенной невестой в третий раз, так как согласия своего ещё не давала!»

Очень довольная своим решением, своим хитрым подходом к щекотливому для неё вопросу замужества, она купила билеты в поезд. Дорога была длинной, как раз хватало времени все ещё раз обдумать, понять, правильно ли она поступает.

Из вещей она взяла минимум, справедливо решив, что едет не в Арктику, хотя теперь уже и там, наверное, есть магазины. Если все сложится так, что свадьбе быть, вполне успеет прибарахлиться, ну а нет, так и вещи обратно не надо везти. Словом, Венера обложила соломкой со всех сторон. Единственное, что невозможно было предусмотреть, так это лужу в славном уральском городке.

Брачное агентство «Узы Гименея», где свахой работала или, лучше сказать, служила Венера, находилось на Садовой улице.

Естественно, в трудовую книжку невозможно было записать должность — сваха, поэтому числилась она официально менеджером по оказанию консультационных услуг в вопросах семьи и брака. Жуть!

От дома до места службы пешком прогулка

занимала пятнадцать-двадцать минут.

Венера любила эти утренние прогулки. Горожане спешили на работу в любую погоду, а туристы в эти часы ещё не бродили по улицам, город только начинал просыпаться и шуметь.

Агентство вполне процветало и босс, он же шеф, он же хозяин, он же гениальный генеральный директор, недавно ездил за рубеж, налаживал контакты с партнерами, чтобы создавать интернациональные браки. То есть семьи. Босс ненавидел слово «брак» и мог вполне серьезно разглагольствовать на эту тему часами.

— Что это за поздравление с «законным браком»! Если вдуматься, получается, что закон разрешает что-то испорченное, сделанное некачественно! Другое дело — семья! Можно поздравить с рождением семьи? Можно! Если бы в свое время я не вступил бы в «брак», то семья моя и до сих пор бы существовала! А кто я теперь? Разведенный холостяк!

Их агентство по своему составу было странным. Босс был разведен. Венера — неудачливая невеста со стажем. Юра, штатный фотограф и оператор, убежденный холостяк. Людмила Николаевна Шановина старая дева предпенсионного возраста. Реальный шанс на создание семьи имели только Катя и Надя. Им было по двадцать два года, и они часто меняли

поклонников. «Доменяются!» — ворчала себе под нос Венера, услышав об очередном расставании Кати или Нади с парнем.

Тем не менее, агентство процветало и успешно создавало семьи.

Едва Венера объявила о своем отъезде, босс недвусмысленно дал понять, что она поступает неадекватно, но поскольку он добрый и отзывчивый человек, то дает ей шанс в случае очередного провала в роли невесты вернуться хотя бы не униженной. Морозов милостиво разрешил «Милосской» объявить, будто она приехала открыть филиал агентства «Узы Гименя». Впрочем, может даже и не объявлять, а просто открыть. «Милосской» Савва называл Венеру крайне редко, только когда слишком волновался о ней.

При прощании шеф уверенно заявил, что у неё всё равно ничего не выйдет!

— Почему? — раздражённо крикнула Венера.

— Я против.

— Морозов! Мне надоела твоя игривость, я, можно сказать, еду миссию свою выполнять!

— Какую ещё миссию?

— Природную! Быть женой и матерью!

— Ну-ну. Пустой номер.

Венера пообещала, что припомнит ему эти слова.

О себе Милославская была не слишком высокого мнения.

Во-первых, она была трусихой. Она иррационально боялась темноты, бомжей и приехавших из средней Азии молодых мужчин, а в последнее время наводнивших город. Они вели себя нахально, особенно по отношению к молодым девушкам.

Во-вторых, девушка была ленива, ничем особенным не увлекалась, что тоже можно было считать недостатком. Не любила шумных развлечений, предпочитала поваляться в кровати до обеда с книгой, побродить по квартире в домашней одежде и посмотреть какой-нибудь фильм.

Что Венера ставила себе в плюс, так это умение красиво и модно одеться, и под стать наряду, перекрасить волосы. И ещё она отлично стреляла.

Словом, была совершенно обыкновенной стареющей незамужней девушкой, каких в её любимом городе был не один миллион.

* * *

Следующим утром, едва Татьяна Васильевна ушла на смену, Венера выехала в город.

Автобус плелся так медленно, что она даже подумала, не быстрее ли будет добраться пешком.

Позже выяснилось, что такова была скорость всех автобусов, здесь никто никуда не спешил. Время тоже было тягучим и неторопливым.

Она посетила красивый старинный особняк сохранившийся с царских времен. Внутри этого здания разместился магазин «Пассаж». Большой вестибюль занимали разнообразные торговые лавки, называемые модным словом «бутик». Широкая лестница вела на второй этаж, где местные негодянты предлагали незамысловатые товары. Покупателей, помимо нее, почти не было. Внутри здания было прохладно и торжественно, продавцы разговаривали приглушёнными голосами. Венера неторопливо прошлась по всем отделам, пересмотрела ассортимент, купила себе два гарнитура белья, один из которых тут же и надела. Ещё она купила легкий брючный костюм из бирюзового крепдешина — девушке понравился и сам костюм и то, как он на ней сел.

Венера переделалась во всё новое. Поскольку вещей прибавилось, ей пришлось прикупить ещё и объемную сумку. Деньги остались и на обратный билет, если по какой-либо причине с Хромовым у них не сложится. Все-таки она была на его территории и как он себя поведет было загадкой.

Выполнив программу минимум, девушка решила отправиться на поиски Эдуарда.

Венера подумала о покупке мобильного

телефона, но решила подождать: как расходовать оставшиеся средства, станет ясно только после встречи с женихом. Ещё надо было позаботиться о восстановлении документов, но и этот вопрос она тоже решит после разговора.

Горожане подсказали, на каком маршруте ей проехать до его фирмы, носящей незатейливое название «Всё для вас». Ехать пришлось в другой конец города.

Ей предстояло пройти до следующей остановки, для этого надо было срезать угол и пересечь сиреневый сквер, что она и сделала.

На неё смотрели все. И мужчины и женщины.

Неуловимо Милославская чем-то отличалась от горожан. Может быть, шагала по привычке быстро, как у себя в городе. Может, была слишком бледна, хотя и подкрасилась.

Только позже она обратила внимание, что здесь люди в принципе смотрели друг на друга открыто, не опуская быстро взгляд, как у них в городе. Наверно оттого, что встречались знакомые, и надо было поздороваться, а иначе могли сказать, что зазнался.

Они ехали по основным улицам города. Люди заходили на остановках, часто здоровались со знакомыми, разговаривали друг с другом, с кондуктором. Венера смотрела на всё с интересом.

Сначала они проезжали по старому городу с

его двухэтажными и одноэтажными домами, затем стали появляться пятиэтажки советской постройки, затем автобус стал карабкаться в гору, где опять был частный сектор, потом скатился с горы, и кондуктор объявила её остановку.

— Видишь забор? Вдоль него и иди, придешь как раз на базу, там эта контора.

Фирма Хромова занимала двухэтажное административное здание. Рядом стояли огромные боксы для грузового транспорта, деловито ходили люди в спецодежде. Что-то разгружали.

На Венеру смотрели с интересом, но никто ни о чем не спрашивал, все проходили мимо.

Перед входом в административное здание справа и слева красовались ухоженные клумбы.

Она вошла в прохладный полутемный вестибюль, не встретив никакой охраны, поднялась на второй этаж и с некоторым волнением вошла в приемную.

Как-то встретит её Эдуард?

Женщина лет сорока, сидела за столом, наверное, секретарь. При виде девушки она вежливо поинтересовалась:

— Какой у вас вопрос?

— Мне бы к Эдуарду Геннадьевичу Хромову.

Секретарь какое-то время молча смотрела и вдруг из её глаз потекли слёзы. Милославская замерла.

— Что? Что-то не так?

— Вы разве не слышали? Погибли они, и водитель, и Хромов, — сквозь всхлипывания пробормотала плачущая женщина.

Венера оторопела. Невольно ухватила за висящую на плече сумку.

— Как погибли? Когда? — севшим голосом спросила она.

— Я и сама не могу поверить! Идет следствие. Убили их. Мы собирались пожениться. Теперь и я одна и дети без отца остались!

— У него были дети?

— Почему были? Дочке пять, сыну двенадцать. Мы с ним гражданским браком жили, всё времени у него не было, потом распишемся, потом. И как мне сейчас быть?

Девушка застыла как соляной столп.

«А как быть мне? Дети? Жена? Гибель? Где я нахожусь? В реальности или параллельном мире? Зачем Эдуард меня обманывал? Хотя, нет, он не обманывал, просто не говорил всей правды. Он разве не понимал, что все откроется?»

— А вы нездешняя. Выговор не наш, — всхлипнув, произнесла секретарь. — Вы по делу какому-нибудь?

— Нет. Я соболезную вам. «И себе», — мысленно прибавила Венера.

Секретарь разрыдалась в голос и выбежала из

приемной.

Милославская, ошеломленная новостями, смотрела на табличку на двери кабинета, который принадлежал её жениху. Табличку «Хромов» ещё не сняли.

Она постояла в растерянности. Затем подошла к кабинету, зачем-то открыла дверь и вошла.

— Слушаю вас? — сидевший за столом мужчина поднял голову, а Венера буквально свалилась на стоящий у двери стул и охнула.

Перед ней сидел живой и невредимый Эдуард Хромов.

— Что с вами? — он стремительно вышел из-за стола. — Вам дурно?

Девушка рассмеялась. Это мистика!

— Мне очень хорошо, правда, чертовски славно! Я в совершенной растерянности находилась пару мгновений назад, но в настоящий момент я счастлива. Я решила принять ваше предложение!

Все беспокойства, колебания и страхи отступили.

Она увидела Эдуарда и осознала, что совершила правильный выбор. А странный лишённый смысла разговор с секретаршей выбросила из головы. Позже разберётся и с ней и с информацией о детях.

Ее наречённый, так изумился, что, похоже, от счастья, утратил дар речи. А невеста — «тешусь

надеждой, в этот раз все закончится счастливо», — приблизилась к нему, заключила в объятия и прошептала:

— Я согласна выйти за вас замуж и проживать в вашем милом городе!

Хромов немного отстранил Милославскую и начал внимательно рассматривать девушку.

— Не стоит меня так изучать. Я в настоящий момент не в форме. К сожалению, приехав сюда, первым делом угадила в больницу и едва осталась в живых, но это уже позади, — Венера смущённо отвернулась, — и что это за абсурдную историю рассказала ваш секретарь? Словно вас кто-то убил. С ней всё в порядке? Вы её не предупредили, что собирались жениться на мне?

Оказалось, что произносила она в пустоту, увлечшись рассматриванием кабинета, и не заметила, как жених скрылся.

А посмотреть было на что.

Всюду на стеклянных подставках лежали какие-то детали, предметы, похожие на разноцветные кирпичи. На столе высился макет какого-то предприятия с забором, проходной, производственными зданиями. У противоположной стены был устроен огромный аквариум, в котором непрерывно сновали различные рыбки.

Венера присела возле стола, дожидаясь Эдуарда.

Странно как-то все. И секретарь, и жених вели себя дергано, по-другому и не скажешь. Оставил её одну. Почему? Передумал?

«Быть может, и я от такого внезапного появления невесты оторопела бы», — подумала девушка, — «но соврать о смерти, когда человек сидит за дверью живой и невредимый... Что-то с психикой у женщины не в порядке. Возможно, в отместку, что жениться раздумал, она его и «похоронила»? И почему Хромов не сообщил о детях? Опасался испугать? Пожалуй, я бы не решилась поехать. А теперь что уж. Я же не отнимаю отца у детей, пусть бывают в нашем с ним доме».

В кабинет торопливо вбежала пунцовая секретарь, толкая впереди себя сервировочный столик.

— Простите меня, шеф устроил мне разнос за болтливость. Угощайтесь, он сейчас будет.

— А-а...?

Секретарь поспешно вышла и закрыла дверь.

Венера глотнула кофе. Вполне приличный.

Ещё на столике стояла бутылка с коньяком, бокал и нарезанные апельсины. Ясно, собирали на скорую руку.

За креслом хозяина кабинета была дверь. Милославская заглянула туда, ей всё было интересно.

Комната была явно оборудована для отдыха, вдоль одной стены стоял диван. Девушка подошла к трюмо, критически осмотрела свой наряд и осталась довольна. Волосы медового оттенка были уложены в сложный узел, неяркая помада, глаза аккуратно подведены. С лица ушла больничная желтизна.

— А вот и я! Где ещё искать красивую женщину, как не у зеркала?

Эдуард улыбался и держал в руках небольшой букет. Создавалось впечатление, что он только что нарвал цветы с клумбы. И ведь молодец, за цветами сбегал! Сам, не послал кого-нибудь!

— Ой, что это у вас?

— Где?

— На зубе! Вы умудрились повредить себе зуб, пока мы с вами не виделись? Предупреждаю, этот крохотный скол вскоре даст о себе знать! Не тяните, обратитесь к дантисту. Я не очень вас шокировала, появившись в кабинете?

— Откровенно говоря, да. Как вы добрались? Где устроились на постой? И что это за история с больницей?

Хромов налил рюмку коньяка и стакан воды.

— Предлагаю выпить за встречу. Я пока только воду, у меня ещё дела, а вам можно.

Венера чокнулась бокалом и выпила. Коньяк она уважала.

— Я все подробно расскажу. Но сначала ответьте, не опрометчиво ли я поступила, приехав к вам? Мне так многое хочется с вами обсудить! Но сначала вы! Удалось вам подписать тот самый «договор века», о котором вы так много говорили?

— А мне казалось, что я говорил только о вас! — Он достал из кармана сигареты и зажигалку.

— Вы начали курить? — неприятно поразилась Венера.

— Я и не думал бро..., что закурю, но как-то получилось.

— Бросьте! Мужчинам вашего возраста опасно радикально менять образ жизни!

Он поспешно спрятал сигареты.

— Извините.

— Не страшно! Кстати, со свадьбой придется повременить. Я сегодня же намереваюсь пойти в полицию, у меня пропала сумочка с деньгами и документами. А без паспорта нас не регистрируют. И надо, конечно, позвонить родителям, но у меня пока нет телефона. Хотя нет, они отдыхают, не стану пока их тревожить. Честно говоря, они были против, но я настояла на своем.

— Против чего? — осторожно спросил Хромов.

Венера его понимала, не очень приятно узнать, что родители невесты против жениха.

Посмотрев на Хромова с умилением во

взгляде — он волновался! — девушка легонько потрепала его по щеке. Вторая порция коньяка помогла ей преодолеть застенчивость.

— Не против моего замужества! Против огромного расстояния. Вы покажете мне ваш город? А то я видела только задворки и ту часть, что проезжала в автобусе.

— Непременно, солнышко!

Венере стало приятно. Он впервые назвал её так, до этого был более сдержан. Они и целовались-то только пару раз.

— А дом свой покажете?

— О чем речь! Безусловно. Только не сегодня, я его должен подготовить к вашему приходу.

— Понимаю.

— Поездку за паспортом отложим до понедельника, сегодня короткий день и тебя не примут, все уже разъезжаются, одни на дачу, другие на рыбалку, — предупредил Хромов.

Его переход на «ты» без разрешения немного рассердил Венеру. Она тут же напомнила себе, что пока не получит свидетельство о браке, не станет переходить на «ты».

— А вы?

— К сожалению, через два часа я должен уехать на мероприятие, отсутствовать никак нельзя. Тебя я устрою в замечательном месте.

— Надо заехать к Татьяне Васильевне,

предупредить, чтобы не теряла.

— Кто она?

— Соболева. Живет на озере. Добрейшая душа. Приютила меня. Я ей о себе ничего не рассказала, прикинулась, что у меня потеря памяти. Знаю, что поступаю нехорошо, но это временно.

— И не стоит пока говорить, я думаю. Вот сюрприз для нее будет, когда позовем на свадьбу!

Хромов посмотрел на часы.

— Пойдем, солнышко, я пока не буду тебя знакомить ни с кем. От вопросов покоя не будет. Подготовлю всё, и объявим вместе.

Венера не возражала.

Ей нравилась напористость жениха и его план. Бутылку коньяка и бокал она прихватила с собой.

— Вы не возражаете? Я люблю коньяк, а сегодня есть что отметить.

— Нисколько.

Они спустились по другой лестнице, вышли во двор и подошли к сильно затонированной «Ниве».

— Вы же говорили, будто ездите на «Вольво»? — удивилась Венера.

— В ремонте, — неприветливо отозвался Хромов, — пользуюсь автомобилем заместителя, — он почти, что втолкнул невесту в тачку.

Венера промолчала, списав его грубость на нехватку времени.

Скорее всего, он взаправду опаздывал. Чувствовалась его нервозность. Все же стоило, наверное, как-то предупредить, хотя бы позвонить или сообщение прислать. «Ещё одна моя отрицательная черта — это внезапность», — пожурила себя барышня.

Ей было немного стыдно, и поэтому она решила все прощать жениху, его почти грубость, неприветливость и даже угрюмость. Она налила в бокал коньяка, выпила и села в машину.

Возможно, жених решит, что она алкоголичка, но ей надо было подбодрить себя и престать заниматься самоуничижением.

Это была сумасшедшая гонка!

Венера не успевала прочитать названия улиц или предприятий, они мелькали, словно в ускоренных кадрах. Вскоре машина выехала на шоссе, и Хромов добавил скорости.

Девушка молчала, одной рукой крепко вцепившись в поручень, а другой в бутылку с коньяком. Она и не подозревала, что её жених тот ещё гонщик, и, мало того, увлекается шансоном.

Мог бы и сказать, что у него такие вкусы. Нет, промолчал! А впрочем, кто их поймет, этих уральцев?

Говорить было невозможно из-за неровной дороги, того и гляди, прикусишь язык, и из-за музыки, включенной на полную громкость.

Наконец, музыка так надоела Венере, что она без разрешения выключила магнитолау, когда Хромов чуть притормозил.

Мимо промелькнула деревня, название прочесть не удалось.

Всё выглядело так, словно её похитили, и они удирали от погони. Венера утешала себя, что похищение обязано быть романтическим.

Наконец, гонка закончилась. Они свернули на лесную дорогу. По обеим сторонам высился лес. Венера опрометчиво открыла окно.

— Закрой. Комары заедят, — предупредил Хромов.

Пришлось любоваться лесом через тёмные окна машины. «Нива» взобралась на пригорок и Венера ахнула.

Небольшое, синее, практически круглое озерцо рябило от ветерка.

На берегу стоял красивый двухэтажный особняк, построенный в стиле шале, сразу за ним начинался хвойный лес.

Дорога, огибая кусты, росшие на берегу, вела к самому дому.

Машина подкатила к крыльцу. Хромов выключил зажигание, и настала тишина. Венера потянулась к ручке, открыть дверь.

— Не советую, — холодно произнёс жених.

— Почему?

— Собаки натасканы на неожиданных гостей. Пока мы в машине, они не покажутся.

Венера собак не боялась. её тревожило непонятное поведение Хромова, но она решила повременить с выяснениями. Пусть всё идет, как идет.

— Сейчас покажется зритель, тогда выйдем. Собаки его предупредили.

— Я не слышала лая.

— Они тихо говорят.

Венера нахмурилась. Она правильно услышала? Собаки говорят? Или здесь юмор такой? Или она уже нализалась?

Из-за дома появился высокий сухопарый старик, заросший бородой по самые брови. Очень колоритно! Он шагал, слегка прихрамывая. В руке он держал ружье, опустив его дулом вниз. Позади него, не издавая ни звука, бежали пять псов.

Старик повел рукой, и собаки спокойно улеглись, сам подошел к Хромову. Тот приоткрыл дверь, выбрался и встал, повернувшись спиной к двери.

Венера обиделась. Смертельно. От нечего делать, она рассматривала собак. Те лежали спокойно, внимательно наблюдая за мужчинами, только уши мелко подрагивали, выдавая настороженность псов.

Разговор длился минуты три, затем Хромов

сел в машину и повернулся к Венере.

— Солнышко, придется тебе здесь немного отдохнуть, я, как только закончу дела, приеду. Выходи из машины, Максимыч познакомит тебя с собаками и покажет дом.

Венера вышла, не сказав ни слова.

Ни о какой свадьбе теперь не могло быть и речи. Слава Богу, впервые в жизни она будет невестой, бросившей жениха! Осталась самая малость, живой убраться с этого дикого Урала!

«Нива» развернулась и помчалась обратно.

— Чтоб ты колесо проколол! — в сердцах пожелала вдогонку Хромову Венера и глотнула коньяк прямо из горлышка.

Со стороны её поведение выглядело ужасно вульгарно. Дева с сумкой, раздутой от тряпок, висящей, как баул, на плече, вся расфранчённая и с бутылкой в руке.

Старикан, стоящий к ней вполоборота, то ли кашлянул, то ли хохотнул.

— Мне необходимо в уборную, — надменно произнесла Венера.

Не намеревалась она любезничать с этим господским холуем. Настроение было премерзким, и она решила вести себя как стерва.

— За углом, — обронил дед.

— А собаки?

— Они не станут подглядывать!

— Хам!

Венера гордо прошествовала мимо своры и их вожака.

Она по мосткам спустилась к озеру, умылась, вода была теплой. Затем вернулась к дому. Её никто не встречал.

Девушка была утомлена тряской дорогой и раздражена странным поведением Хромова. Выпитый коньяк тоже давал о себе знать, да и после больницы не так много времени прошло, поэтому очень хотелось спать.

Глава III. Дом у озера

Она обследовала дом.

Огромный, почти пустой холл впечатлял, мебели не было, не считая стойки для одежды и пары кожаных диванов напротив панорамного окна. Много солнца, света и воздуха. В дальней стене стеклянная дверь и лестница на второй этаж. Венера прошла туда.

За дверью оказался широкий коридор, справа — кухня-столовая, слева кладовые и выход на улицу во двор.

Венера нигде никого не застала, попила в кухне холодный чай, оставив бутылку коньяка на столе, и поднялась на второй этаж по удобной лестнице. В холодильник заглянуть она не

решилась, хотя была голодна.

На столе в пакете лежали пряники, она съела три штуки, запивая чаем. Одернула себя, что неприлично себя ведет, берет без разрешения то, что ей не принадлежит.

Как бы ни обидел её жених, не стоит переносить гнев на подневольных людей. Старик не причём. Позже она извинится перед ним.

Любоваться озером можно было и из кресел, стоящих у окна на втором этаже. А может они стояли здесь, чтобы было удобно читать. В разных местах были расставлены несколько этажерок с книгами.

В небольшой холл выходили справа и слева по две двери.

Это оказались гостевые спальни, уютно обустроенные широкими кроватями, комодами и настольными лампами. Возле кроватей на полу лежали небольшие коврики. В каждой спальне большие окна закрывали темные портьеры.

Выглянув в одно из них, она увидела небольшой домик, возле него аккуратно сложенную поленницу. Должно быть, баня, решила девушка. Дом старик содержал в чистоте.

Венера, устыдившись своих манер, сняла обувь и улеглась в первой же гостевой комнате справа от лестницы.

Она сегодня столько успела!

Купила вещи, проехала по городу, увидела истинное лицо своего жениха и даже попала в сказочное место.

Большая часть дня прожита не зря. Ей надо немного отдохнуть. После больницы она ещё не совсем пришла в норму. И, конечно же, коньяк сбил её с ног.

Впрочем... Не только коньяк, сам загадочный край Урал с первых же шагов её сбил, иронично думала Венера, укутываясь покрывалом. Всё здесь необычно, странно, непонятно.

Разбудили её мокрые носы и частое дыхание. Из сна возвращаться не хотелось, такое умиротворение царило вокруг.

Девушка заулыбалась.

— Собачки мои хорошие. Можно я вас поглажу? Вы такие сильные, ловкие!

Она осторожно дотронулась рукой до загривка пса, стоящего рядом. Он оскалил зубы. Но не зарычал. Улыбался.

— Мы подружимся с вами? Я никому не причиню вреда, — медленно опуская ноги на пол, увещевала собак Венера.

— Бесплезно! По моему приказу они разорвут вас. — Максимыч стоял у окна и наблюдал за её пробуждением. Может он какой извращенец? А может, у него с головой не в порядке?

— Чем вы собак кормите? — вежливо спросила гостя, решив, что лучше бы подружиться с хозяином псарни.

— Мясом.

Конечно же, не сеном! Что здесь за народ такой?

— На закате спать нельзя, голова болеть будет, — продолжил Максимыч. — Кроме того, вы заняли мою комнату.

— Не знала, простите. А ещё я выпила чай и съела три пряника.

— Спускайтесь, ужинать будем и знакомиться.

Он легко оттолкнулся от подоконника, тихо свистнул и вышел из комнаты. Собаки потеряли всякий интерес к госте и ринулись за ним, цокая по полу когтями. Венера поспешно поправила покрывало и, не мешкая, отправилась следом за хозяином, в отличие от собак разве что не виляя хвостом.

На столе стояла сковорода с жареной картошкой, в тарелке лежали свежие огурцы, помидоры и нарезанный ломтями хлеб.

— Как вас величать? — Максимыч поставил перед ней тарелку, — сами кладите, что нравится.

И сел напротив неё.

Только сейчас она его разглядела. Старик оказался молодым мужчиной.

— Зачем вы носите бороду и усы, вы же молодой! — воскликнула она.

— Так как к вам обращаться? Хромов представить не удосужился, — игнорируя её вопрос, уточнил хозяин.

— А давно вы на него работаете?

— Знаете, что, дамочка? Давайте начнем сначала! Зовут меня Максимом, но все предпочитают называть Максимычем. А вас?

— Меня зовут Венера Даниловна Милославская. Но здесь почему-то я была исключительно «солнышком», хорошо хоть не зайкой, котиком и прочим зверьём. Зовите меня Верой.

— Значит, вы решили выйти замуж за Хромова? Занятно.

— Что именно? — вскинулась Венера. — Разве не все люди хотят иметь семью?

— Нет. Я не желаю. Но речь не об этом. Вы хорошо знаете мужчину, с которым приехали?

— Мне бы не хотелось показаться неучливой, Максим, но вам-то, какое дело? Служите у моего жениха, вот и продолжайте в том же духе! — сердито откликнулась Венера.

Максим рассмеялся. Венера не вытерпела и тоже улыбнулась.

Он ей уже нравился, этот молодой мужик, по уши заросший бородой. Он выглядел брутально и

загадочно, и почему-то хотелось окрестить его благородным пиратом.

«Осторожно, Венера, — скомандовала она себе, — ты стала достаточно взрослой и больше не теряешь голову»!

— Предлагаю не задавать неловких вопросов, а если невзначай получится, то можно не отвечать. Как вам подобный вариант? — осведомилась девушка после некоторого молчания.

Картошка была так вкусна, она и не заметила, как умяла то, что было на тарелке, и только когда стала добавлять из сковороды, опаматовалась.

«От скромности ты не умрёшь, родная! Хозяину-то оставь!»

Она вспыхнула из-за отсутствия манер, затем ещё гуще покраснела, когда засекала ироничный взгляд хозяина, дёрнула бровью и положила себе в тарелку ломоть ржаного хлеба и огурец.

Раз уж оконфузилась, придётся продолжать в том же духе, пусть думает, что хочет!

— Коньячку?

— Спасибо. Свою каждодневную норму я уже выпила, — высокомерно отозвалась Венера.

— Ну-ну. Принимается. О себе хоть что-нибудь можете рассказать?

— Мне утаивать нечего. Я из Санкт-Петербурга, с женихом познакомилась на вечеринке у друзей. Мы с ним месяц встречались.

— Солидный срок, — хмыкнул Максим.

— Не перебивайте. Хромов сделал предложение, но я не ответила. После всё же решила согласиться и приехала. Хотела сделать сюрприз.

— Да вы, похоже, крайне неуравновешенная особа!

— Не судите, да не судимы будете! — парировала барышня.

— А чем вы занимаетесь? — поинтересовался хозяин дома.

— Я сваха.

— Кто? — едва не поперхнулся Максим, все же ей удалось вывести его из равновесия.

— Сваха. Людей сватаю.

Максим захохотал. А Венера обиделась.

— Вовсе не смешно! Очень важное дело! Я и вам могу отыскать супругу, если пожелаете.

— Ну, уж нет! Только не я! Предпочитаю независимость!

— На самом деле вы несвободны! Вы только полагаете, что это так. Вы находитесь в темнице своих принципов! Холостяк — ущербный мужчина! Ему не с кем поделится ни радостью, ни бедой! У него не волнуется душа за родных и близких! А душа обязана страдать, только тогда человек становится человечным. Холостяки — чёрствые люди. У них портится характер, и они умирают в

одиночестве, — убеждённо, с экспрессией произносила Венера, не заметив, как пафосно и не к месту её речь слышится в пустой столовой, а сидящий напротив мужчина подсмеивается над ней.

— Да, неприглядную судьбу вы мне обрисовали! Подумать только! Умереть в одиночестве! А если женюсь?

— Умрёте на руках безутешной подруги жизни, — категорически изрекла Милославская.

— Спасибо, утешили. Я лучше один поживу. Из вашей пламенной речи я понял только одно, едва женюсь, моя супруга постарается побыстрее стать вдовой.

— Вы абсолютно все перевернули! Я сообщала о глубокой старости. Супруги вместе живут долго, так свидетельствует статистика. И зачастую женатые мужчины, подчёркиваю это, переживают своих благоверных! — горячилась девушка.

— И сколько времени трудитесь свахой? — уточнил Максим. К слову сказать, его удивил энтузиазм гостыи, давненько ни от кого он не слышал пламенных речей ни по любому предмету и та искренность, с которой здесь проповедовала Венера о браке, нравилась ему.

— Десять лет! — гордо сообщила девушка.

— Ого! И сколько брачных союзов свершилось, благодаря вам?

— Не считала, но со многими семействами поддерживаю связи.

— А лично сами-то что не замужем? — бесцеремонно уточнил Максим.

— Никто не берет! — правдиво ответила Венера.

— Да ладно! Это вас-то? Ни за что не поверю! Требования большие? Состоятельный, красивый, высшее образование?

Венера ухмыльнулась.

Ее Ванечка был кинологом, благодаря этому она не страшилась собак, а Владимир удачливым негодяем, при этом закончил всего девять классов. Нет, она попросту влюблялась в них, её мало интересовал их статус.

К Хромову она не вспылала страстью, попросту он понравился. С ним было спокойно, надёжно, да и пора пришла сделать выбор. Ещё немного быстротечных лет и самой сваха потребуется.

— О чём задумались? Я вас обидел? — осторожно спросил Максим.

— Нет! — засмеялась девушка, — припомнила, как от меня два жениха улизнули. Расскажу под настроение. А вы, отчего в этом месте живете в одиночестве?

— Нравится, — пожал плечами хозяин, убирая со стола посуду.

— Исчерпывающий ответ. У вас есть близкие?
Проживают в городе?

— Родители и сестра, — неохотно ответил он.

— Большое спасибо за ужин. Давайте я приберу? — Венера поняла, что разговор окончен. Смотритель дома, хозяин собак, загадочный бородатый парень не пожелал ничего сообщать о себе.

Максим предложил ей занять любую комнату, выделил из своего гардероба рубашку и штаны, обувь не смог подобрать. Велел не ходить в лес, в босоножках не пройдет и пары метров, да и на змею может наступить.

На косогоре спела земляника, и Венера повадилась там бродить. Набирала ягоды в большую кружку, торжественно приносила в дом, высыпала в миску и ела по ягодке, наслаждаясь вкусом.

Максим её хвалил, но сам отказывался, ей полезнее, в городах-то такого чуда не видели. Ей было приятно. Не совсем она пропащая, если могла набрать столько ягод, не обращая внимания на комаров и слепней.

А они одолевали! При солнце резвились слепни, а вечерами комары. Пчелы и осы Венеру не пугали, они летали по своим делам, к ней не приставали. Нравились ей и стрекозы. Если удавалось увидеть поблизости маленький

вертолетик, Венера старательно рассматривала насекомое. В голове тут же возникали строчки из басни Крылова и барышня пыталась разгадать, почему стрекоза названа попрыгуньей, девушке ни разу не довелось увидеть ни одного стрекозьего прыжка. Зато кузнечики и лягушки прыгали!

Чудес Венера увидела много.

Ещё она купалась и загорала.

Купальника у нее не было, но нижний гарнитур был приличный, вполне годился для солнечных ванн.

Не сказать, чтобы она совсем не хотела понравиться Максиму, было бы против природы, если бы молоденькая женщина не предприняла попытки увлечь собой интересного мужчину. Специально не старалась, но поскольку он совсем не реагировал на её присутствие у озера в неглиже, Венеру холодность его задевала.

Мог бы хотя бы комплимент сказать! Возможно, он сдерживался из-за Хромова? Тогда понятно его поведение. Он-то ещё не знал, что за Эдуарда она не выйдет, даже если тот встанет перед ней на колени! Жених слишком хорошо показал свое истинное лицо! И умолчал о детях, а это слишком веский аргумент для отказа от замужества.

Девушка купалась по утрам, заплывала далеко, но вода была теплая, парная, как говорил

Максим, затем лежала, поджаривая себе живот и спину. Часто одолевала дрема, и она, не противясь, засыпала. Бледность после больницы ушла, силы восстанавливались быстро.

Озеро без названия, она специально интересовалась у Максима, каждый день выглядело по-разному. Утром по небу плыли огромные белые кучевые облака, и оно отражало их, от этого выглядело белёсым, вода слегка рябила. К вечеру озеро постепенно темнело, становилось мрачным.

Венера лениво размышляла, что недаром поверхность воды называют зеркалом, словно небо любит себя.

Вода была чистой. Даже у берега, где не слишком большая глубина.

Следующим утром оно показало ей другую картинку, небо было высоким и озеро отражало всё, что было на берегу, несколько разбросанных валунов, заросли ивы, высокие ели.

Иногда оно выглядело равнодушным, высокомерным, вода не шелохнется. Венера хулиганила, набирала камушки и бросала, чтобы немного его всколыхнуть, но озеро лишь проглатывало её послание и высокомерно смотрело в небеса.

В дождь она наблюдала за озером из дома. Ей представлялось, что оно морщится и пытается оттолкнуть капельки дождя, было заметно, как они

врезаются в воду, создавая маленькие воронки. Озеро выглядело хмурым, раздражённым.

Венера принимала озеро как некую сущность, живущую рядом и позволяющую ловить рыбу или купаться в себе, но имеющую свой характер. На ум приходило — жеманница.

Максим показал, как надо ловить рыбу, насаживать червей, но она не увлеклась, ведь всё же была городской барышней до мозга костей и извивающихся червей жалела. Он поохотал над девушкой.

Ну и пусть! Сегодня она его видит, а завтра забудет.

По вечерам она читала Диккенса «Лавку древностей», гуляла возле озера и скучала.

А ночью из панорамного окна любовалась небом и звездами. На улицу выходить не решалась, комары не давали проходу. Она жаловалась на комаров Максиму, он говорил, что они лютуют на её сладкую кровь, и протягивал ей репелленты, чтобы мазалась, но хватало её ненадолго. Может они её и не кусали, но жужжали возле уха и мешали наслаждаться звездным небом.

Питер Венера любила, но звёзды там были видны редко, да и таких синих бархатных ночей не бывало. Ей здесь нравилось. Возможно, когда она состарится, то купит себе где-нибудь на озере домик и будет доживать свои дни, глядя в небо и

слушая шум леса.

С хозяином собак она вела себя непринужденно, особо ему не мешала, да и он ей. Они встречались в основном за ужином или по утрам. Готовил Максим сам, выпекал особенно вкусный хлеб. Венера столько хлеба в жизни не ела и боялась растолстеть.

Отдых пошел ей на пользу, рана иногда побаливала, но редко. Шрам, что остался на животе после операции, выглядел некрасиво, но она не переживала, видел её только Максим. Он как-то проходил мимо мостков, где она лежала, загорала, увидел шрам, подошел, спросил, откуда у нее такое приобретение.

— Бандитская пуля, — популярной фразой ответила Венера.

Правду говорить не собиралась, а врать не хотела. Он не стал настаивать. Максим ей нравился основательностью, спокойным радушием. Откровенно говоря, в первую ночь она спала плохо, прислушивалась, не крадется ли к ней хозяин псов, чтобы покуситься на её девическое тело и честь. Но он не крался, не приходил и не прибегал.

Венера посмеялась над собой, своими фантазиями и уснула.

Ее девическая честь не пострадала и в последующие ночи, так что в присутствии Максима она чувствовала себя совершенно свободно и

раскованно, доверяя ему.

У них совпадали интересы в чтении, оба любили советские фильмы, особенно комедии, и хорошо понимали собачье племя. Современная политика, шоу-бизнес вызывали у них безразличность. Дважды они умудрились поругаться.

Венера кричала, что нельзя огульно хаять вещи только потому, что они сделаны во Франции или в другой стране, а он спокойно сообщал, что наши ничуть не хуже, только разрекламированы плохо. Словом, был законченным русофилом.

Хромов обещал приехать за ней на следующий день, но не появился, ни в субботу, ни в воскресенье.

Она радовалась, что не стала тратить на покупку телефона, а оставила деньги на обратный билет, их должно было хватить. В полиции ей обязаны выдать справку об утере документа, по справке и купит билет, и доберется до дома.

В понедельник Венера начала беспокоиться. Если Эдуард и сегодня не появится, надо выбираться самой. Просто идти по дороге, не сворачивая, дойти до какой-нибудь деревни, а там довезут. Или попутка подберет. Не древние века, машины теперь у всех. Максиму в этом вопросе она не доверяла, он был человеком Хромова, а тот её страшно разочаровал.

Уйти она решила на заре, собаки привыкли к

ней, внимания не обращали. Хозяину оставила записку, «Будете в наших краях, позвоните», и номер своего телефона: она собиралась восстановить сим-карту.

Глава IV. Побег

Псы провожали девушку до косогора, на котором она ещё вчера собирала землянику; Максима не было видно. Собаки отстали, а Венера потопала дальше.

Идти одной было немного жутко, однажды дорогу переползла змея. Милославская, чтобы подбодрить себя и распугать всех волков, медведей и прочих хищников, пела громко, пела все, что вспоминала. Старалась петь бравурные маршевые песни. По крайней мере, сначала.

— Ты лети с дороги птица, зверь, с дороги уходи. Видишь, облако клубится, кони мчатся впереди! — пела Венера высоким голосом, петь нравилось.

Комары одолевали, налетали, но не садились, она отмахивалась сорванными травинами и бодро дошагала до асфальтированной дороги, с которой они свернули в лес, когда ехали с Хромовым.

Дорога была торная, шагалось легко. Её котомка была нетяжелой, беспокоили только босоножки. Когда первый камешек забился под

ремешок, Венера вытряхнула его, но больше идти по самой дороге не решилась, шла по обочине, где росла трава, там хотя бы камней не было.

Шагала она не быстро, но и не слишком медленно. Надо было рассчитать силы на дальний путь, а обувь была не приспособлена. К сожалению, другой не было, поэтому девушка шла, большей частью глядя под ноги, чтобы не споткнуться о корень.

Ягоды и грибы она игнорировала, не было времени собирать, да и для кого? Тем более, что в грибах она не разбиралась, впрочем, в ягодах тоже. Единственно, жалела, что нет фотоаппарата или хотя бы телефона, чтобы запечатлеть красоту, что ей попадалась на каждом шагу.

Иногда она все же замирала и смотрела вверх, пока не начинала кружиться голова. В высоком синем небе, по краям окрашенном малиновой зарей, неслись рваные облака, которые куда-то гнал ветер.

Ей почти сразу повезло, её нагнал мужик на мотоцикле с коляской и подвез до деревни Прудниковой.

Мужчину звали Иван Николаевич, и он был одноногий! Костыли лежали в коляске. Он сказал, на всякий случай, вдруг протез подведет, хотя уже привык на нем ковылять, но не доверяет. С костылями привычнее.

Оказывается, он ехал домой с утренней

рыбалки. Не спят они тут совсем, что ли?

Максим ложился позже Венеры, она к девяти часам вечера уже с ног валилась, вставал на зорьке, как они ласково называли утреннюю зарю, рыбачил, потом отправлялся в лес.

Просыпалась она тоже не раньше девяти утра. На столе её ждал завтрак, хлеб, кофе она заваривала сама, иногда ягоды, иногда мёд.

Высадил её Иван Николаевич у почты, где была остановка.

— Тут автобуса жди! Скоро в город поедет.

И укатил, отмахнувшись от денег, что Венера ему предложила.

Дома с улицы от дороги отгораживались палисадниками, в которых росли кусты или деревья. Там же были устроены клумбы из разных цветов, Венера узнала только бархатцы. И почти у каждого дома стояла скамейка.

На остановке было несколько человек.

На нее поглазели, отвернулись, продолжили разговаривать о своих делах. Минут через двадцать, прибежал какой-то мальчишка. Громко прокричал, что автобус сломался. Водитель Сергей просил передать, что будет часа через два. Народ побухтел, что вот, вечно с утра у Сереги поломки, небось, не выспался, паразит, гнать надо.

Потихоньку все разошлись.

Венера узнала у почтальона, в какой стороне

город и пошла, очень надеясь, что кто-нибудь её подвезет или автобус нагонит.

Дорога словно вымерла, навстречу попался только один мотоциклист и два грузовика. Попуток не было, автобус её не нагонял.

Милославская шагала больше часа, размышляя о красоте Уральского края, о том, что понимает, почему всем так хочется Россию заграбастать себе. Вон какие просторы, леса, реки!

А они там в своих Европах толкаются локтями, места мало.

Бывала она и Париже, и в Праге, ещё много где. Повидала свет, называется. Больше туда не хотелось. Города красивые, спору нет, но места мало. В кафе приходится чуть не на коленях у соседа сидеть.

Вот в таких местах отдыхать надо!

Она пожевала хлеб, который прихватила с собой. Максим хлеб пёк исключительный, одним им можно наесться. Девушка запила водой и потопала дальше, уставшая и не привычная к таким прогулкам.

Когда лес подступал к дороге, накидывались комары, там, где открывались поляны, комаров было меньше, их сдувал ветер.

Солнце припекало, ветер с небесных высей спустился ниже и часто налетал, обдувал.

Вот в таком месте, возле кромки леса, её и

окружили собаки, громко лая. Венера протянула к жожаку Лавру руку, но тот злобно зарычал. Она смирилась и стояла, ожидая, когда появится их вождь и хозяин Максим.

— Вредоносная особа! Ты, видно, рехнулась, когда удрала? — язвительно осведомился он, — о чём только думала?

— К жениху не терпится попасть, — сердито отозвалась Венера. — И нечего мне тыкать!

Максим подкатил к ней на мотоцикле и пока не собирался предложить её подвезти.

— Фифа столичная! Потерпишь! А, я и забыл! К жениху! А у Марины Анатольевны, его благоверной, ты узнавать будешь, готова ли она разлучиться с супругом?

— Эдуард женат? — Венера покраснела. Вот уж влипла!

— Эдуард мёртв, а Федор, который тебя доставил, спешил на поминки. Сообщил, что разберётся позже, какая аферистка появилась в городе после кончины брата.

— Я не аферистка, я невеста-неудачница, — тихо молвила Венера и разрыдалась.

Максим не выносил женских слез.

— Прекрати истерику! Я отвезу тебя в город, куда скажешь.

— Мне необходимо в полицию и к Татьяне Васильевне. И купить обратный билет, —

всхлипывая, произнесла девушка, усаживаясь позади Максима.

Он скомандовал псам возвращаться стеречь дом, и они скрылись в лесу.

Венера прижалась к спине мужчины, обхватила его руками и они поехали. Всю дорогу она подвывала, благо было неслышно из-за работы мотора, и редела.

Было жалко Эдуарда. Как-то несуразно, что он погиб.

Было стыдно за свое поведение с Федором.

А ещё было жаль себя. Она никому не нужна! Родители не знают, что с ней происходит, что чуть не умерла, что теперь ещё и аферисткой назвали!

Максим остановился возле дома Соболевой.

— Угомонись, спину мне вымочила, — ворчливо проронил он, — опухла вся уже, хватит рыдать!

Венера пригласила Максима зайти, пообещав, что больше рыдать не станет, все слёзы кончились. Татьяна Васильевна была на смене, а собачонка Фроська злобно лаяла, но не кидалась, Максим грозно сказал ей: «Цыц»!

— Рассказывай. По порядку. Многое непонятно в твоей истории, только без истерик! И перестань уже «выкать».

— С Эдуардом мы познакомились в Питере, на вечеринке у его друга. Месяц мы встречались.

Он там заключал какие-то договора. Я не слишком вникала в подробности, не моё это, вроде бы у него был какой-то проект века и он хотел заинтересовать деловых людей. Как я поняла, он собирался выкупить один из заводов в вашем городе. Дело оказалось трудным, нужен был кредит, а его сокурсник или кто он там, то ли владеет банком, то ли служит в банке. К нему Хромов и приезжал. Это всё, что я знаю.

О том, что у него есть брат, он говорил, но не сказал, что близнец. Перед отъездом Эдуард сделал мне предложение. Я ответила, что подумаю. Мне уже немало лет. Я решила, что с Эдуардом уживусь. Он показался мне надежным. И я решила приехать. Сделать ему сюрприз.

До Екатеринбургa я доехала поездом. И к вам в город доехала в поезде. От вокзала шла пешком. На пути оказалась огромнейшая лужа. Пришлось обходить по дороге, и меня сбила машина. Удар отбросил меня в канаву, там был штырь, на него-то я и напоролась. В хирургии пролежала дней десять. Сумка с документами и деньгами, наверное, там так и лежит, утопленная.

— И сбивший, он так и не остановился?

— Не знаю, кто-то же вызвал скорую помощь.

Они помолчали.

— А как погиб Эдуард? — спросила Венера.

— Его и водителя расстреляли в «Вольво», на

шоссе. Никаких документов при нём не было. Хромов тебе ничего не оставлял?

— Нет, говорю же! Эдуард в гостях-то у меня всего один раз полчаса пробыл. Максим, купи билет до Санкт-Петербурга, пожалуйста. Я боюсь вашего вокзала. Со мной обязательно что-нибудь ещё произойдёт! И за справкой надо съездить.

— Откровенно говоря, тебе пока не доверяю, надо проверить твой рассказ. И не вздумай улизнуть, всю полицию области на ноги подниму! Оставайся здесь, вечером приеду.

— Никуда я не денусь! Не надо пугать! — огрызнулась Венера.

Татьяна Васильевна не удивилась, увидев девушку дома, лишь поинтересовалась, как она отдохнула.

— Нашла, стало быть, подругу?

— Какую подругу, — поразились Венера.

— Нинку! Она записку принесла. Я обрадовалась, что ты её вспомнила. Память-то возвратилась?

— Да.

Венера рассказала Соболевой всю правду о себе и своих приключениях, считая, что ей союзник не повредит. Да и скрывать больше было нечего.

— Помогите добраться домой! Я придумала, как без паспорта улететь, надо только до Екатеринбурга доехать. Не верю ни Федору

Хромову, ни его помощнику Максиму. Я даже его фамилии не знаю. Бородатый такой, прихрамывает слегка, незаметно.

— Не знаю таких. Помогу, не реви! Клавдия, соседка говорила, что её сын нынче ночью едет туда, только за бензин заплати, довезёт.

Ситуация, в которой оказалась Венера, ей совсем не нравилась!

Как будто в заложницы городу попала. Не принимает её город уральский. Лишь бы выпустил.

В два часа ночи возле дома тихо тарахтел мотором добротный «Москвич». Венера попрощалась с Татьяной Васильевной, села на заднее сиденье и Александр, который обещал довезти её до аэропорта, тронул машину. Милославская почти всю дорогу проспала.

В аэропорту девушка разыграла сцену потери паспорта. Она копалась в своём бауле минуты две, пока кассир не указала ей на ровный бритвенный порез.

— У вас и деньги все вырезали, — сочувственно проговорила женщина-кассир.

— Не все, — всхлипнула Вероника, — я всегда заначку делаю.

Она полезла себе за пазуху и достала деньги.

— Девушка, без паспорта всё равно не продам билет. Че ж ты тетеря такая! Обратись к дежурному.

В глазах Милославской стояли слезы, и она умоляюще смотрела на кассира.

— Помогите мне, пожалуйста! Мне домой надо. Что за напасть такая, полночи с каким-то частником ехала, чтобы на рейс не опоздать! И когда успели вырезать, гады! Прошу вас!

Кассир нажала на какую-то кнопку и возле Венеры почти мгновенно появились два полицейских. Кассир объяснила им ситуацию, Венера продемонстрировала порез на пакете.

«Двое из ларца, одинаковых с лица» попросили пройти с ними.

Венера сообщила о себе все сведения, её проверили по своим базам, звонили на работу, затем написали справку и помогли купить билет. Даже напоили чаем.

Глава V. Дома

Родной город встретил солнцем и духотой, а мама упрёками. Венера признала, что заслужила их.

Она приехала к родителям, они не виделись со дня её отъезда. Жили предки на Новочеркасском проспекте. Мама была полна энергии после отдыха, папа пропадал в публичке, готовил очередную статью об истории города.

— Единственное, что пошло тебе на пользу, ты похудела и загорела, не думала, что на Урале

можно так загореть, лучше, чем на курорте. Мне жаль твоего жениха, но для тебя это к лучшему. Где родился, там и сгодился.

— А как же ты?

Мама засмеялась.

— Я не устояла перед обаянием твоего отца.

Они проболтали довольно долго, и Венера осталась ночевать у родителей. Она рассказала практически всю правду о своей поездке, опустив только ту часть, где едва не скончалась от раны. О чём не знают, о том сердце не болит.

А ещё предстояло явиться на службу и восстанавливать документы.

— Тебе необходимо почистить биополе, снять сглаз или хуже того, порчу, и подправить карму! — с порога обрушила на Милославскую заботу Людмила Николаевна, как только та вошла в офис на следующий день после прилёта.

Людмила Николаевна у них отвечала за связь с мирозданием, нечистой силой, гороскопами и иными тонкими материями, в которые верили многие клиенты. Как говорил их начальник: «Наше кредо — любая причуда за ваши большие деньги».

— Одновременно все вместе? — усомнилась Венера.

— Начнём с самого элементарного, я договорилась, — решительно заявила та.

— Людмила Николаевна, миленькая, пусть

без меня там всё почистят, а я заплачу! — попыталась уклониться Венера, но не тут-то было.

— Милославская! Тебя примет магистр Высшей Ложи Ордена. Он посвящённый!

— Во что?

— Не язви! Он учился в Тибете.

— Хорошо! Извольте! Когда? — девушке ничего не оставалось, кроме как смириться.

Людмила Николаевна фанатично веровала во всяких шарлатанов, и прекословить ей было бесполезно.

— Немедленно после твоей встречи с руководителем.

Венера вздохнула.

Босс, пока она выпутывалась из историй в Уральских горах, успел слетать в Великобританию, заключил там договоры и привез каталог от такого же брачного агентства, только пытающегося пристроить английских холостяков.

Мало того, шеф присмотрел там себе леди.

Об этом, хихикая, поведали Венере Надька и Катька. Они набросились на неё с вопросами, и ей пришлось рассказывать им свою историю, правда, с некоторыми поправками.

Девчонки посочувствовали, поохали, пообнимались с ней и убежали, одна в типографию, другая в ресторан, организовывать встречу двух претендентов.

Милославская полистала каталог с фотографиями английских холостяков, решила, что себе бы ни одного не выбрала, а затем пересела к компьютеру.

В этот момент вошел босс. И замер. Он любил театральные эффекты.

Немая сцена продолжалась секунд двадцать, затем он поманил Венеру пальцем, сурово кивнул Людмиле Николаевне и прошел в кабинет.

Милославская прошла за ним.

Савва был человеком добрым, покладистым, но зверел, когда подчиненные «теряли страх».

В такие минуты голос у директора звучал утомлённо.

— Вернулась?

— Да, босс! Вы говорили, что примете меня обратно.

— Не помню. Наше агентство успешно справлялось и без тебя. Думаю, твоим коллегам понравится прибавка к жалованию, если на всех раскидать твою ставку.

— Понравится, — понуро согласилась Милославская.

Они помолчали. Правила игры знали оба.

— Саввочка, куда же я без вас? — жалобно осведомилась Венера.

— Замуж, куда же ещё, — фыркнул начальник и захохотал. Не мог он выдерживать долго процесс

воспитания сотрудников. — Что, нынче от тебя жених в Якутию удрал?

— На тот свет, — мрачно созналась девушка, а Савва прямо-таки согнулся от хохота.

— Фартовая же ты у нас, Милосская! Нужно сделать тебя вечной клиенткой нашего агентства. Скидки обещаю значительные. Мне, что ли, на тебе жениться?

— Не надо, Саввушка, я не стану клиенткой, — она расслабилась, гроза миновала стороной. — Мне теперь точно жизнь куковать в одиночестве. И Людмила Николаевна не поможет со своими кудесниками.

— Что, в оборот взяла?

— Ага, сейчас пойдём ауру мою начищать.

— Ступай, а после подробно расскажешь, куда наречённого дела.

— Крест на нём поставила, — уныло вымолвила Венера.

— Иди-иди! Почисти пёрышки, а после тобой займусь я. Ты мне все показатели коверкаешь. Я такую рекламу для нашего «Гименя» заказал! Теперь отступаться? Убытки нести?

— Какую рекламу?

— Как ты замуж выходишь! Чертовски романтический сценарий. Уральский воротила примчался в Питер за своей суженой!

— Но было-то наоборот! Это я к нему на Урал

поехала!

— Венера, не порти мне настроение и не отнимай у тысяч женщин надежду на счастье!

* * *

Людмила Николаевна нашла Венере колдуна где-то в районе Владимирского собора.

Они вошли в арку обыкновенного доходного дома, дверь в квартиру была в самой арке. Обитая дешёвеньким дерматином дверь оказалась открытой.

В прихожей и в комнате вдоль стен стояли стулья, штук двадцать, почти все они были заняты.

Женщины от тридцати и старше, двое мужчин, угрюмый паренек и три девочки подросткового возраста сидели, напряжённо вслушиваясь в то, что происходило за дверью.

— Мне очередь занять? — поинтересовалась Венера у спутницы, но та показала рукой, мол, садись и прошла в дверь, на которую все смотрели. По рядам ожидающих приёма прошла рябь недовольного бормотания, в сторону девушки косились и бурчали.

Пару минут спустя вышла высокая худая девица и пригласила Венеру. Очередь вновь всколыхнулась недовольством, но ассистентка колдуна приструнила ожидающих чуда, сообщив,

что Венера по записи.

Магом из Тибета оказался молодой мужик, он пригласил Милославскую сесть на табурет и выпроводил всех из кабинета.

Посвящённый выглядел как типичный менеджер средней руки, ни необычной прически, ни колдовской одежды у него не было, только свитер и джинсы, даже цепей никаких не висело на шее. Первым делом он попросил закрыть глаза, опустить руки вдоль туловища и расслабиться.

Расслабиться у Венеры не получилось. С табуретки можно было в любой момент свалиться.

— Пока не позволю, глаза не раскрывайте.

— Почему?

— И попрошу помолчать.

Ничего себе! Он от себя так всех клиентов отпугнёт.

Венера сидела с плотно закрытыми глазами, откуда-то слышалась «космическая» музыка, а она предавалась размышлениям, что маг такое делает и как назвать его помощницу? Магесса? Ведьма? Надо у Людмилы Николаевны спросить, та наверняка знает.

В затылке появилась тяжесть и лёгкое покалывание, а перед глазами замелькали разноцветные точки. Нельзя сказать, что Венера ощущала дискомфорт, она частично поддалась внутреннему полёту в космос, но затем усилием

воли стряхнула наваждение и возвратилась в мир реальных звуков.

За окном простучал на стыках трамвай, у кого-то звонил телефон.

Сидеть было скучно. Скоро он там закончит?

— Напрасно вы воспротивились, — произнёс маг недовольно, — вы сеанс сорвали, я просил расслабиться. Надо начинать сначала.

— Не хватало, чтоб вы в мозгах моих копались! Ничего повторять не будем.

— Я лишь попробовал. Глаза можете открыть. Сглаз я с вас снял.

— Где он? — пошутила Венера.

— Что?

— Ну, этот, сглаз. Куда вы его дели?

— Шутки неуместны! Ваша аура была пробита в области сердечной чакры, я её восстановил. Больше вам ничто не грозит.

— Что ж, спасибо вам. Видно, хирурги покровсали. Сколько я вам должна?

— Рассчитайтесь с помощницей, я лично не беру деньги.

Людмила Николаевна сияла. Естественно, не она выложила полторы тысячи за три минуты.

— Ну что, Венерочка? Чувствуешь необыкновенную лёгкость?

— Да, в кошельке! — проворчала Милославская и тут же пожалела о своих словах.

Людмила Николаевна, натура трепетная, обиделась, коротко попрощалась и ушла.

Девушке стало стыдно, словно ребёнка обидела.

Людмила Николаевна Шановина была абсолютно безобидной тихоней с чистой душой, никогда ни в чём не отказывала сослуживцам. Агентство ей заменяло дом. Она приходила первой и уходила последней, как только появлялся новый клиент, она составляла гороскоп о будущем супружестве. В результате, претендент на счастливую семейную жизнь, немедленно проникался уверенностью, что пришел в правильное место и теперь у него будет все замечательно.

Венера цинично думала, что эти оптимистические прогнозы пахнут шарлатанством, но не вмешивалась.

Коллеги в агентстве негласно пытались найти Шановиной вторую половину, но та шарахалась от мужчин, и усилия по поиску супруга оказались напрасны.

Все, кроме Венеры, опустили руки, а она несла каталог домой, сожалея, что обидела Шановину, и думала, что вот в том уральском городе Людмиле Николаевне бы непременно нашёлся муж, там люди какие-то другие.

Надо вручить Шановиной справочник по

колдовству в знак примирения и извиниться, она помочь старалась от чистого сердца, решила Милославская.

Пришлось зайти в книжный магазин и провести почти час, разбираясь в астрологических и прочих альманахах, чтобы не совсем уж бестолковую книгу купить. Наконец подарок был упакован в соответствующую обертку, разве что от банта Венера отказалась, и немного приглушив голос совести, побрела домой, по дороге сочиняя речь, которую произнесет обиженной коллеге.

«Её чистая заштопанная аура сияла в витринных окнах», когда Венера смотрела на своё отражение.

«И ещё у неё над головой светился нимб». Она точно его видела.

«И лёгкость необыкновенную чувствовала, спасибо вам большое, Людмила Николаевна».

Венера твердила речь, чтобы не забыть, и решила, что как только придёт домой, позвонит Шановиной, повинится, а та её простит.

А завтра вручит поклоннице мистицизма красочный каталог с изображениями невидимых существей, который разыскала в «Букинисте». Как можно нарисовать, то, что увидеть нельзя, оставалось выше её понимания.

Накрапывал дождик, и на улице наступила какая-то особая тишина, какая бывает в вечерних

сумерках в центре, едва войдешь во двор с шумной набережной. Вход в парадную был с набережной, но чтобы узнать, дома ли соседи, Венера заглянула во двор, их машина была на месте. Ей надо было похлопотать о документах, восстанавливать придется, но одно дело бегать по инстанциям самой, другое получить поддержку компетентного человека. Лариса Ерёменко служила в полиции, в каком-то отделе. Её соседка могла во многом помочь и поэтому, прежде чем зайти домой, Венера позвонила соседям.

Дверь открыл Дмитрий Ерёменко.

От мужа соседки Ларисы Венера иногда бывала в восторге.

Пьяницы бывают разные, тихие, шумные, раздражительные.

Ерёменко был пьяницей весёлым. Когда Митька напивался, он начинал разговаривать. Не просто рассказывал о чем-либо, а как будто бы у него в голове перемыкал проводок, и он бесконечное количество раз, как на заезженной пластинке, повторял одну и ту же историю.

Лариса сидела в кухне, курила, читала детектив и слушала.

Иногда ей нужно было подать голос, чтобы Митька был уверен, что аудитория внимает, и продолжал повествование.

— А, Вера, проходи, у нас тут такое

произошло, ты не поверишь!

Митька говорил чётко, стоял ровно, не качаясь, и если бы не его совершенно мутные глаза, ни за что было не узнать, как он пьян.

— Что случилось, Ларис?

— А-а! — махнула рукой соседка, — сейчас услышишь.

— Да, Вер, мы завтра должны были взорваться, взлететь на воздух! У меня в восьмёрке бензин подтекал. Ребята говорят, все Митька, кранты бы тебе!

— Потому и праздник?

— Вер, представь. Поехали бы мы с Ларочкой завтра, и нам капец! Взрыв в центре города! А списали бы на террористов.

— Лариса, чаем напоишь?

— Да, садись.

— Вот я говорю, Ларочка, нам жизнь спасли.

— Митя, иди спать! Я третий час одно и то же слушаю.

— Но Вера-то не знает.

— Уже знаю, Митя, иди, а мы с Ларой посплетничаем.

— Ах, вот так даже? — Митька попытался обидеться, но передумал. — Я тоже чаю попью с вами. Ларочка, а пивка нет?

— Сейчас будет тебе и пиво, и раки! — рассердилась Лариса, — ведь что удумал! Пьяный